

## КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ХОЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

<sup>1</sup>Уразбаев А. А., <sup>2</sup>Абипов Н. К.

<sup>1</sup>начальник цикла Учебного центра специальной подготовки УКСО МВД Республики Узбекистан,

<sup>2</sup>главный специалист Центра по привлечению средств внешней безвозмездной помощи (грантов) и работе с донорами при Совете Министров Республики Каракалпакстан.

Концептуализация безопасности в различных культурных матрицах демонстрирует принципиальные различия в интерпретации соотношения личностного и институционального измерений данного феномена. Эти различия проявляются не только на уровне терминологии, но и в фундаментальных подходах к пониманию социальной устойчивости, роли государства и механизмов предотвращения угроз.

В китайской и корейской культурных традициях безопасность мыслится как холистическое состояние социального порядка и благополучия, укорененное в образе домашнего очага и экстраполируемое на уровень общества и государства. В англосаксонской правовой традиции, напротив, со временем сформировалась более дифференцированная модель, в которой акценты на личной неприкосновенности и институционально обеспечиваемой защите общественного порядка получают разные оттенки, что особенно заметно в позднейшем словопотреблении и правовой практике [1–3].

В китайской культурной парадигме понятие безопасности передается термином «аньцюань» (安全 - ānquán), семантическая структура которого отражает глубинные культурные ассоциации. Иероглиф «ань» (安 - ān) с пиктографической точки зрения изображает женщину под крышей и символизирует мир, покой и упорядоченность внутреннего пространства. Данный образ традиционно ассоциируется с устойчивостью домашнего очага как первичной формы социального порядка. Иероглиф «цюань» (全 - quán), означающий «целый», «весь», «полный», «всеобщий», дополняет это значение, формируя представление о безопасности как о состоянии целостного благополучия, выходящего за рамки индивидуальной защищенности [4]. В совокупности данные элементы отражают коллективистскую логику восприятия безопасности как интегрального свойства социального организма.

Историко-политическое развитие китайской государственности обусловило поэтапную трансформацию семантики безопасности. В эпоху западной Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) концепция «тянься» (天下 - tiānxià) оформилась как представление о всеобщем порядке, легитимированном «мандатом Неба» и воспроизводимом через ритуальную гармонию (ли, 禮 - lǐ). Кризис ритуальной системы в период Восточной Чжоу (770–256 гг. до н.э.), особенно в эпоху Сражающихся царств, привел к возникновению альтернативных доктрин обеспечения стабильности. Легизм (法家 - fǎjiā), ставший идеологической основой династии Цинь (221–206 гг. до н.э.), радикально переосмыслил безопасность как результат централизованного административного контроля, обеспечиваемого через единообразное применение закона (фа, 法 - fǎ), монополию власти (ши, 勢 - shì) и техники управления (шу, 術 - shù). Падение династии Цинь в 206 г. до н.э., вызванный социальной дестабилизацией вследствие избыточной репрессивности, продемонстрировал недостаточность чисто легистского подхода. При династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) сформировалась устойчивая синтетическая модель, получившая в традиции формулу «вэй жу нэй фа» (外儒内法 - wài rú nèi fǎ, «конфуцианство внешне, легизм внутри»): конфуцианская идеология обеспечивала моральную легитимацию власти через культ ритуала и добродетели [9], тогда как легистские административные механизмы – система чиновничества, единое законодательство, централизованный контроль сохранялись в повседневной практике управления. Таким образом, китайская традиция выработала уникальную модель безопасности как динамического равновесия между ритуально-моральной легитимацией и институциональным контролем.

В современном китайском языке данная концепция находит отражение в термине «гун-ань» (公安 - gōng'ān), буквально означающем «общественная безопасность» или «общественный порядок». Его семантика подчеркивает приоритет коллективных интересов и устойчивости социальной системы над индивидуальными притязаниями. Аналогичная логика характерна и для корейской культурной традиции. Термин «анджон» или «анчжон» (안전 - anjeon) (от китайского 治安 - zhì'ān) обозначает защищенность от опасностей, однако включает коннотацию равновесия и стабильности, тогда как понятие «анджон» (치안), используемое для обозначения общественной безопасности, акцентирует управленческий и контрольный аспект поддержания порядка. Таким образом, в восточноазиатской модели безопасность ассоциируется с идеей домашнего очага, перенесенной на масштаб общества, и предполагает наличие управляемого социального равновесия, а не только индивидуальной защищенности [6].

В противоположность данному холистическому подходу англосаксонская правовая традиция выработала модель, в которой со временем произошло смысловое размежевание понятий, связанных с защищенностью. Термин safety (от старофранцузского sauvete, лат. salvus - «невредимый», «целый») исторически обозначал

состояние свободы от вреда, повреждений или опасности, часто с акцентом на личную физическую неприкосновенность и отсутствие угрозы для индивида. Термин *security* (от лат. *securitas* - «беззаботность», от *se-* «без» + *cura* «забота, тревога») изначально подразумевал свободу от тревоги и забот, а в правовом и политическом контексте фиксировал гарантии, меры и институты, обеспечивающие устойчивость порядка, защиту от угроз и стабильность общества или государства [7, 8]. Историко-правовой анализ показывает устойчивые нормативные основания для такого понимания. В Великой хартии вольностей 1215 года в клаузуле 30 используется формула «safe and secure conduct» применительно к купцам: «All merchants ... are to have safe and secure conduct in leaving and coming to England ...». Здесь пара *safe and secure* выступает как риторическое усиление одной и той же идеи гарантий защиты и неприкосновенности (включая свободу передвижения и торговли без произвольных поборов), а не как противопоставление личного и институционального [1].

В Билле о правах 1688/1689 годов термин *safety* употребляется именно в контексте национальной стабильности: «Unity Peace Tranquillity and Safety of this Nation» и «inconsistent with the Safety and Welfare of this Protestant Kingdome». Здесь «*safety*» обозначает коллективную защищенность королевства от угроз (в том числе религиозных и династических), то есть институциональное измерение безопасности нации и государства [2]. В международно-правовом измерении эта логика продолжается в Уставе ООН, где «*security*» трактуется как «international peace and security» - системное качество международных отношений, поддерживаемое через коллективные институциональные механизмы (ст. 2, п. 3: «All Members shall settle their international disputes by peaceful means in such a manner that international peace and security, and justice, are not endangered»). Это подчеркивает приоритет коллективной безопасности и роли Совета Безопасности [3].

Таким образом, сравнительный анализ выявляет устойчивые различия в концептуализации безопасности, обусловленные культурно-историческими траекториями развития восточноазиатской и англосаксонской правовых традиций. В китайской и корейской парадигмах безопасность традиционно трактуется как холистическое состояние социальной гармонии, укорененное в ритуальном порядке и требующее активного институционального воспроизводства стабильности. Эта модель, сформировавшаяся в результате синтеза конфуцианской легитимации и легистской административной практики, предполагает приоритет коллективного благопорядка (ань) над индивидуальной автономией.

Англосаксонская традиция, напротив, развивала модель безопасности, центрированную на правовых гарантиях и процедурных ограничениях властного произвола. При этом следует избежать упрощенного сведения различий к дихотомии «личное «*safety*» и институциональное «*security*». Оба термина функционируют в пересекающихся семантических полях (*public safety, personal security*), а их разграничение в XX веке отражает скорее специализацию дискурсов, нежели фундаментальное культурное разделение.

Эти различия, не являясь абсолютными, задают устойчивые паттерны институционального проектирования. Восточноазиатские системы склонны к интеграции функций безопасности в рамках единого административного контроля, тогда как англосаксонские традиции развивают дифференцированные механизмы с разделением полномочий и акцентом на судебной защите. Признание этих различий позволяет избежать этноцентрических оценок и способствует диалогу правовых культур в условиях глобальных вызовов безопасности.

#### ЛИТЕРАТУРЫ

1. Magna Carta. Translation // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/exhibits/featured-documents/magna-carta/translation.html>.
2. Bill of Rights [1688] // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2/introduction>.
3. Устав Организации Объединенных Наций : принят 26 июня 1945 г. Ст. 2, п. 3. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>.
4. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1983. Т. IV. С. 1030; Т. I. С. 164.
5. Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур : материалы Междунар. семинара (г. Суздаль, 15–17 нояб. 2011 г.) / отв. ред. С. А. Панарин. СПб. : Интер-социс, 2012. С. 73.
6. Там же. С. 75.
7. Security – Etymology, Origin & Meaning // Etymonline. URL: <https://www.etymonline.com/word/security>
8. Safety – Etymology // Etymonline (ср. с security). URL: <https://www.etymonline.com/word/safety>.
9. Lewis, M. E. The Early Chinese Empires: Qin and Han / M. E. Lewis. – Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 2007. – 321 p. – (History of Imperial China). – ISBN 978-0-674-02477-9.

*Cultural codes of security: holistic concept of east asia and institutional differentiation of the anglo-saxon legal tradition*

**Abstract.** This study presents a comparative analysis of cultural codes of security in East Asian and Anglo-Saxon legal traditions. In the Chinese and Korean paradigms, security is conceptualized as a holistic state of social harmony, grounded in the symbol of the hearth and extrapolated to the state level through a regulated order. In contrast, the Anglo-Saxon tradition has developed a differentiated system of guarantees, wherein security is ensured through legal procedures and the limitation of arbitrary power. These distinctions define contrasting trajectories for institutional development in the field of public safety.

**Key words:** security; public safety; cultural codes; legal guarantees.

*Madaniy xavfsizlik kodlari: sharqiy osiyoning holistik konsepsiyasi va anglo-sakson huquqiy an'anasining institutsional tafovuti*

**Annotatsiya.** Ushbu tadqiqot Sharqiy Osiyo va Anglo-sakson huquqiy an'analardagi madaniy xavfsizlik kodlarining qiyosiy tahliliga bag'ishlangan. Xitoy va Koreya paradigmalarida xavfsizlik — xonadon (o'choq) timsoliga tayangan va boshqariladigan tartib orqali davlat darajasiga ekstrapolyatsiya qilinadigan ijtimoiy garmoniyaning holistik holati sifatida konseptualashtiriladi. Boshqa tomondan, Anglo-sakson an'anasi xavfsizlikni huquqiy protseduralar va hokimiyat o'zboshimchaligini cheklash orqali ta'minlaydigan differensiallashtirilgan kafolatlar tizimini rivojlantirgan. Aniqlangan farqlar jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasidagi institutsional rivojlanishning qarama-qarshi trayektoriyalarini belgilaydi.

**Kalit soʻzlar:** xavfsizlik; jamoat xavfsizligi; madaniy kodlar; huquqiy kafolatlar.

*Культурные коды безопасности: холистическая концепция восточной азии и институциональное разграничение  
англосаксонской правовой традиции*

**Аннотация.** Исследование посвящено сравнительному анализу культурных кодов безопасности в восточноазиатской и англосаксонской правовых традициях. В китайской и корейской парадигмах безопасность концептуализируется как холистическое состояние социальной гармонии, основанное на символе домашнего очага и экстраполируемое на уровень государства через регулируемый порядок. Напротив, англосаксонская традиция сформировала дифференцированную систему гарантий, в рамках которой безопасность обеспечивается через правовые процедуры и ограничение произвола власти. Выявленные различия определяют контрастные траектории институционального развития в сфере обеспечения общественной безопасности.

**Ключевые слова:** безопасность; общественная безопасность; культурные коды; правовые гарантии.

---